

18+

В
л
а
д
и
м
и
р

В
Е
Л
И
К
И
Й

ЧЕЛОВЕК

БЕЗ
МАСКИ

Владимир Великий
Человек без маски

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Великий В.

Человек без маски / В. Великий — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Жизненный путь главного героя книги Андрея Рокотова - явление очень исключительное. Молодой офицер сделал попытку выступить против устоев тоталитарного режима в СССР. В итоге оказался в 13 отделении окружного военного госпиталя. 38 дней и ночей были для «психа» настоящим кошмаром. Несмотря на это, он не отступил от своих убеждений. К сожалению, и гражданская жизнь у него не сложилась. Любимая женщина его покинула, многие годы он был изгоем общества... Сей труд посвящаю офицерам чести и достоинства, которые добросовестно исполняли свой священный долг перед Отечеством. Именно благодаря им прирастала мощь Советской Армии и ее неувядаемая слава во всем мире.

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Великий Человек без маски

Глава первая.

Дон Кихот в погонах

1979 год. 19 февраля. Понедельник. 7 часов утра. На крохотном автовокзальчике грузинского города Вале стояли два молодых офицера. Они почти одновременно то и дело поглядывали на свои наручные часы. До отправления автобуса оставалось минут пять, не больше. Однако военнослужащие словно не замечали транспортную безрельсовую машину на колесном ходу, уже стоявшую на парах.

Старший лейтенант, он был несколько ниже ростом своего коллеги, капитана и к тому же очень упитанный, довольно часто бубнил себе под нос:

— Андрюха, перестань горевать... Пытаться что-либо начальнику доказывать — бесполезно, ты же ведь об этом сам знаешь...

Иногда он снимал со своей головы фуражку с красным околышем, приглаживал рукой волосы, торчавшие по разные стороны, и вновь произносил:

— Не переживай, Андрей Петрович... Береги свое здоровье для гражданки....

Старший по званию на нравоучения однополчанина почти не реагировал. Он стоял и молчал, словно изваяние, лишь иногда не то от нервов, не то от нечто другого часто сжимал свои зубы, порою даже скрипел ими. Не без особого труда можно было определить, что этого стройного молодого человека с несколько продолговатым симпатичным лицом, что-то беспокоило. Он также изредка поглядывал по сторонам и от прохлады густого тумана растирал свои холодные руки или засовывал их в карманы своего офицерского полупальто.

Капитан Рокотов был полностью погружен в мир своих тягостных размышлений, которые были подвластны только ему одному и больше никому. В это же время водитель, пожилой мужчина с довольно длинным носом помахал рукой в сторону неподалеку стоявших офицеров и с небольшим акцентом по-русски прокричал:

— Товарищи офицери-и, прошу занять свои места... Мы отправляемся... Ждать уже не будем, не бу-де-ем...

Рокотов тяжело вздохнул, и внимательно посмотрев на коллегу, начальника медицинской службы полка, с улыбкой произнес:

— Женя, я думаю, что я и без тебя найду окружной военный госпиталь... — Затем, слегка похлопав по плечу не по возрасту располневшего офицера, добавил. — Иди-ка ты к себе в лазарет и глуши спирт... Это куда лучше, чем трястись в металлическом саркофаге, где едут не только люди, но и козы или куры...

Женька Михайлов, так звали старшего лейтенанта, на язвительную просьбу своего закадычного друга прореагировал совершенно спокойно. Он несколько скривил свою физиономию, затем, приложив руку к козырьку фуражки, с улыбкой его успокоил:

— Товарищ капитан... Для меня приказ начальника — закон для подчиненного... — Потом он слегка толкнул офицера в плечо, и взяв его за руку, почти с силой втянул его в автобус.

В небольшом салоне пассажиров было куда меньше, чем всевозможных баулов, мешков и ящичков. Они были на руках у сидевших, ими были забиты не только сиденья, но и часть прохода. Однополчане почти полчаса стояли, не было свободного места. Стояли молча, лишь изредка бросали друг на друга взгляды и улыбались. Каждый думал о своем. Рокотов то и дело

закрывал глаза, пытался воспроизвести все то, что произошло с ним вчера вечером, несколько часов назад.

Сначала ему позвонил майор Сафронов из политотдела дивизии. Он очень долго просил его сделать «отметку» в окружном госпитале. Потом предупредил, что в противном случае для строптивного капитана карьера вообще будет закрыта. Рокотов все внимательно слушал. Вскоре указания начальника ему надоели. Он не выдержал и смачно его отмахнул. Положив трубку, он некоторое время сидел неподвижно. Размышлял, что делать дальше. Посоветоваться было не с кем. Жена была в России, у своих родителей. Он прилег на диван. Вновь впал в раздумья. Затем решил пойти в военный городок. Хотел развеяться и «подчистить» кое-какие бумаги. Он неспеша переоделся и вскоре оказался в части. Не успел он пройти контрольно-пропускной пункт, как перед ним вырос командир полка. Рокотов криво усмехнулся, начальник имел дурную привычку. После посещения ресторанчика, расположенного неподалеку, полковник Пукас, как правило, заглядывал к своим подчиненным. Увидев офицера, немолодой мужчина сильно зевнул, затем с некоторой ехидцей произнес:

— А что здесь делает гвардии капитан Рокотов? — Смачно плюнув на асфальт, он продолжил. — По моим агентурным данным, ты должен уже быть в психушке...

Рокотов внимательно посмотрел на начальника, у которого живот чем-то напоминал большой воздушный шар, и сквозь зубы процедил:

— Должен, но не обязан, товарищ гвардии полковник... Тем более, Вы никакого понятия в медицине не имели и не имеете...

Лихо козырнув, капитан направился в сторону штаба, где находился его кабинет. Он вошел в небольшую комнату и уселся за стол. Призадумался...

Внезапно в коридоре раздался не то грохот, не то ему подобное. Рокотов быстро открыл дверь и слегка был ошарашен. По коридору бежала дюжина солдат с автоматами через плечо. Позади с перекошенной физиономией ковылял Пукас. Тут же раздался громовой голос мужчины в папахе:

— Караул, слушай мою команду! К бою!

Подчиненные, скорее всего, не поняли приказ начальника, от которого несло как из винной бочки. Возможно и растерялись. Одни, сломя голову, бросились назад, на улицу. Они чуть было не смели со своего пути того, кто ими командовал. Другие, упав на пол, неподалеку от кабинета Рокотова, присоединили к автоматам магазины с боевыми патронами. Передернули затвор. Затем уставились на мужчину в высокой меховой шапке.

Несогласованность действий караульных рассмешила Андрея Роктова. Он сделал несколько шагов навстречу начальнику, и слегка покачивая головой, произнес:

— Товарищ полковник... Я что-то не пойму... Зачем такие маневры, да и еще в штабе части?

Пукас сначала ничего не сказал. Скрипел зубами. Корил себя за то, что по-настоящему не проинструктировал состав караула по захвату вольнодумца в погонах. Во время обеда ему звонил полковник Самойлов. Просил во что бы то ни стало доставить Рокотова в окружной госпиталь, вплоть до применения силы. Затем он открыл рот и с ухмылкой отпарировал:

— Не говори, капитан... Этих салаг учить бесполезно, хоть днем или ночью. Одна бестолковщина...

Только сейчас, в этом переполненном автобусе, Рокотов понял, что прошлым вечером была не очередная игра полупьяного полковника с вооруженными солдатами. Это была попытка насильственной его депортации в психушку. К счастью, она оказалась неудачной...

Михайлов, видя перед собою мрачное выражение сослуживца не сомневался, что Андрюхе Рокотову, главному умнице полка и служаке сейчас очень тяжело. Через несколько часов они войдут на территорию окружного военного госпиталя и он, как начальник медицинской службы, представит его для обследования. В том, что пропагандист полка капитан Рокот-

тов не псих, а вполне разумный человек, он, как врач и как человек с погонами на плечах, нисколько не сомневался. И в военном городке мало кто в этом сомневался.

Рокотова два года назад перевели из Группы советских войск в Германии. За это короткое время он зарекомендовал себя только с положительной стороны. Не только как главный теоретик партии в войсках, но и как офицер. «Немец», так довольно часто называли тех, кто приехал из ГДР, все проверки как по стрельбе, так и по вождению боевой техники сдавал только на «отлично» или «хорошо». Преуспевал он и в физической подготовке. Ему не было равных в беге на короткие дистанции, как не было равных и в игре в волейбол. Михайлов, едва познакомился с новеньким, тотчас же стал ему завидовать, не только как офицеру.

Завидовал как мужчине, который был не только высокого роста и подтянутый, но и еще к тому же, имел очень красивую жену. Алла, так звали супругу Андрея Рокотова, была несколько ниже своего мужа и чуть тоньше. Шефу полковой медицины очень нравились глаза блондинки, которые, как ему иногда казалось, могли втянуть в омут своей синевы любого офицера, да и генерала. Михайлов при встрече с полковой красавицей довольно часто вел себя неординарно. Он иногда становился красным как рак, когда она внимательно разглядывала его физиономию. Затем почти по-дружески протягивала ему руку. От такого внимания офицер млеял и что-то бурчал себе под нос. Пунцовое выражение лица мужчины вызывало у женщины улыбку. При этом она обнажала свои очень ровные и очень белые зубы.

Встречался он с Аллой почти ежедневно, как и с другими женами офицеров и прапорщиков. Встречались, как правило, в военторге, в небольшом магазинчике, находившимся на территории части или во время небольших банкетов. Они проводились по поводу присвоения очередных воинских званий или по причине знаменательных дат в истории советского народа и его армии. Каких-либо сокровенных разговоров Михайлов с женой своего друга не вел. Обходился репликами о ее здоровье или просто-напросто улыбался. Он не скрывал от себя, что с женами других офицеров он вел себя куда раскованнее. Как правило, без анекдотов про зайцев или о правителях не обходилось. Замужние женщины с очень большим вниманием слушали полкового балагура, от всей души смеялись, кое-кто из них строил глазки симпатичному холостяку. На этом все и заканчивалось.

В военном городке все представительницы слабого пола были замужние. Исключение составляла лишь молодая девушка Надя, армянка, работавшая телефонисткой. Со служащей Советской Армии никто из холостяков не флиртовал. И не без причин. Отец девушки, пожилой мужчина был очень крутой и своенравный. Он всегда держал свою единственную дочь под контролем. Рано утром он ее привозил на своем стареньком «Запорожце» к контрольно-пропускному пункту части, вечером за пять минут до окончания службы забирал. И во время службы мало кто видел местную красавицу. Она сидела за пультами в комнатке при штабе части, на двери которой был прибит фанерный щит с надписью «Посторонним вход строго воспрещен». К «важной персоне» имел право входить только начальник связи и командир части со своими заместителями. Михайлов за четыре года своей службы так и ни разу не был в этом труднодоступном помещении. Не была на приеме у него и Надя. За медицинской помощью она обращалась к гражданским медикам. Поликлиника находилась на горе, в десятке метров от ее дома. Михайлов, к своему сожалению, мало знал и о других обитателях небольшого городка, спрятавшегося среди гор.

Не слишком много знал он и о семейной жизни однополчан. В том числе и о том, кого сопровождал в госпиталь. За все время знакомства он так и не побывал у «немца» на квартире. Рокотовы сами его к себе в гости также не приглашали. Желание поближе познакомиться с новенькими у медика было, но оно вмиг улетучивалось, когда перед ним появлялся капитан с серьезным выражением лица. Мало того. Каких-либо разговоров о семейной жизни мужчины во время службы не вели. Одно Михайлов знал точно, что детей у Рокотовых не было. Об этом

ему однажды сказал капитан Маркович, помощник начальника штаба полка. Рокотов пару раз в офицерском общежитии, где проживал Михайлов, был. Скорее всего, по долгу службы...

Скудная информация о своем друге сейчас мало тревожила Евгения Ивановича. Он уже давно понял, что в военном городке расспрашивать о семейных радостях или неурядицах было не заведено. Во время совместных застолий мало кто из офицеров изливал свою душу соседу по столу. Мужики в погонах держали «домашнюю» жизнь за семью замками. Не исключением был и гвардии капитан Рокотов.

Офицерам вскоре повезло. На автовокзале города Ахалцихе из автобуса вышла пожилая грузинка с дюжиной авосек. Сидячее положение не прибавило разговорчивости мужчинам. Михайлов, посетовав на загруженность автобуса и внезапную усталость, надвинул на свой лоб фуражку и вскоре захрапел. Рокотову было сейчас не до сна. Он, слегка откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза и вновь впал в раздумья.

Его «личный вопрос» возник два года назад, после того, как он прибыл из ГСВГ. Его, старшего лейтенанта направили в мотострелковый полк, дислоцированный в Ахалцихе. Офицер и его жена, едва переступив порог КПП, оказались в круговороте проблем. К их удивлению некогда вакантная должность заместителя командира батальона по политической части оказалась занятой, равнозначной — не оказалось. Совершив в первый же день продолжительный круиз по кабинетам начальников, новенький сильно приунул. Никто не ожидал «двойника», даже из самой мощной военной группировки мира. Мало того. Командир полка, полковник Суматов, уроженец Карелии предложил ему «поработать» заместителем командира роты по политической части, правда, только на время. Майору Ушакову, одному из замполитов батальона, до увольнения оставался год с небольшим.

За время короткой беседы со старшим офицером Рокотов не проронил ни слова. Молчал он и тогда, когда тот «предложил» ему новую должность. Перед уходом из кабинета новенький сжал зубы, и кисло улыбнувшись, очень четко произнес:

— Товарищ гвардии полковник... Пять лет службы в ГСВГ были достаточны для меня, чтобы освоить батальон... — Тяжело вздохнув, добавил. — На роте я был почти четыре года... — Затем он лихо козырнул и вышел вон.

На душе у Рокотова было очень скверно. Не так хотел он начинать службу на новом месте. Офицер, который имел около десятка благодарностей за безупречное выполнение служебных обязанностей, мастер вождения боевой техники мечтал о большем. Не только мечтал, но и делал все возможное для успешной карьеры. В ГСВГ его рота три года была отличной. В первый же год некогда «чепешный» батальон стал также отличным. В этом была и его заслуга, молодого заместителя командира батальона по политической части. Рвение и порядочность Рокотова замечали его подчиненные. Не замечали это только его начальники. Хотя и они не могли ни видеть его успехов. Довольно часто на базе первого батальона проводились показательные занятия, как по военной подготовке, так и по политической. Нередко в расположении батальона также были местные немцы или военнослужащие Национальной народной армии ГДР. За год до замены Рокотова во внутренний округ в двухэтажную казарму пришли очень высокие немецкие гости. Среди них был генерал из Министерства обороны ГДР, а также руководитель союза свободной немецкой молодежи. По полку поползли слухи, что после такой «отметки» Рокотов, исполнявший обязанности командира батальона, досрочно получит очередное воинское звание или уйдет на повышение. Однако, этого не случилось. Подобного не случилось с ним и раньше...

Довольно грустные размышления Рокотова прервал его коллега, сидевший рядом. Михайлов слегка толкнул его в плечо и еле-еле слышно шепнул ему на ухо:

— Андрюха, смотри... К нам пополнение прибыло. По-моему, целых два барана или козла, они почему-то не горят желанием занять себе места получше...

Капитан приоткрыл глаза и бросил взгляд вперед, на место водителя. Старик был против четвероногих пассажиров, которые то ли от его недовольного взгляда, а может и от естественного страха перед урчавшей машиной, то и дело мотали головами в разные стороны. Словесная перепалка между молодой грузинкой, владелицей баранов и водителем вскоре переросла в настоящее сражение, правда, без оружия и мордобоя. Мужчина, привстав с сиденья, со слюною на губах доказывал, что перевозка больших животных в общественном транспорте категорически запрещена. Женщина же из-за всех сил стремилась опротестовать его доводы. Вещественные доказательства были налицо. В заднем отсеке салона спокойно лежали два поросенка, они мирно хрюкали и изредка портили воздух. С правой стороны от рулевого колеса, прямо перед носом водителя стояла небольшая клетушка, в которой во все горло кудахтали две страшно облезшие курицы. Рокотов, увидев перед своими глазами настоящий зверинец на колесах, невольно улыбнулся. Небольшая союзная республика, в которой он служил, жила по-своим законам, жила своими странностями и причудами. Откровенно говоря, он не противился премудростям здешней жизни. Он прекрасно понимал тех, кто сидел в автобусе. Каждый из них по-своему добывал кусок хлеба. Они, как и Рокотов, хотели жить лучше...

За относительно короткое время службы в Грузии у офицера сложилось положительное мнение о местных жителях. Хотя он не кривил душой, что он еще до сих пор по-настоящему ни с кем из них не поговорил по душам и не пригласил к себе на чашку чая. Для этого не было времени. Служба для него была превыше всего. О ней он думал в части, думал о ней и дома. Несмотря на то, что у него в прямом подчинении не было военнослужащих, он один из первых приходил в полк, один из последних покидал свой рабочий кабинет.

Текучка все больше и больше заедала офицера. Ценные указания из политического отдела дивизии или корпуса в прямом смысле лилились как из рога изобилия. Проблема еще ухудшалась и тем, что он нередко исполнял обязанности заместителя командира полка по политической части. Майор Солодов не был на службе неделями, а то и больше. Причиной этому были его престарелые родители или болезнь жены. Нередко отсутствовал он и по другой причине, пьянствовал. Рокотов не интересовался личными проблемами начальника, считал неприличным делом. Не допытывался он и о том, почему офицер во время службы употреблял спиртные напитки. Не расспрашивал об этом он и его жену, которая приходила за пьяным мужем. Антонида Ивановна незаметно проскальзывала через проходную и так же незаметно проникала в штаб части. Он находился в небольшой одноэтажной постройке. Приходила она, как правило, очень поздно. Военный городок уже был в плену темноты. Открывала служебный кабинет своим ключом. Второй ключ муж ей сделал специально, на всякий случай. Открывала дверь и тяжело вздыхала. Ее любимый Боренька, Борис Иванович, так она порою называла своего мужа перед его сослуживцами, лежал на диване и сильно храпел.

Отсутствие Солодова на нет урезало свободное время у пропагандиста полка капитана Рокотова. Нередко на службе он был с раннего утра до позднего вечера. В напряженные дни он звонил домой и уже в который раз объяснял жене причины своей неявки на обед или на ужин. Алла спокойно его выслушивала и с тяжелым вздохом ложилась трубку. И на этот раз она ему не перечила. Андрей все ее годы замужества бредил только службой. Жену свою, как ей иногда казалось, он вообще не замечал. Если и замечал, то все лучшее для своей любимой женщины обещал в будущем, когда получит очередную ступеньку по службе...

Разборки между водителем автобуса и владелицей баранов затянулись. Никто из противоборствующих сторон не сдавался. Громкая перебранка, содержание которой Рокотову было непонятно, она велась на грузинском языке, напрочь заглушала звуки всего живого, что находилось в салоне. Среди них были: человеческие голоса и смех, хрюканье свиней и кудахтанье кур, щебетание птиц. Иногда спор на какое-то время затихал, затем разгорался с новой силой. Первым не выдержал водитель. Он со злостью стукнул обеими руками по рулевому колесу, открыл дверь и прыгнул на землю. Затем подошел к женщине и начал перед ее носом махать

руками. О чем или о ком они говорили или спорили, никто из пассажиров не знал. Все сидели молча, словно набрали в рот воды. Молчали и офицеры. Михайлов сидел и равнодушно смотрел через окно, лишь изредка хихикал себе под нос. Рокотов, наоборот, с очень серьезным выражением лица наблюдал за мужчиной и женщиной. Ему страшно хотелось, чтобы их словесная перепалка затянулась. Спешить ему было некуда. Он прекрасно понимал, что насильственная высылка в госпиталь раз и навсегда покончит с его офицерской карьерой, да и, скорее всего, с его молодой жизнью вообще. Он закрыл глаза и представил себя в роли «психа» и от этого ему стало не по себе. В его голове в сей миг, откуда не возьмись, появились молоточки, которые со страшной силой били по его вискам. Волна не то теплого, не то прохладного воздуха прокатилась по его телу...

Развязка между «врагами, как и ожидал Рокотов, закончилась мирным путем. Сколько денег запросил водитель за «декоративных» пассажиров его не интересовало. Взятки, большие или малые, все больше и больше пронизывали нутро Советского Союза. И здесь была вполне обычная ситуация. Водитель на свой страх и риск брал жвачных парнокопытных семейства полорогих, зная о том, что через некоторое время перед ним появится работник Государственной автомобильной инспекции или контролер с жезлом или с повязкой на руке. И каждому надо платить. На зарплату прожить было невозможно. Об этом знал не только он, знала об этом и грузинка. Знали об этом все от мала до велика, кто жил в стране с несметными природными богатствами.

Законная пассажирка с улыбкой на глазах направилась к автобусу и поставила ногу на подножку двери. Поставила и тут же отпрянула назад. Никто из баранов ей не подчинился. Они стояли, словно заколдованные, и не двигались с места. Особенно упорствовал большой и довольно худой, он топал копытами и вертел своей головой с красивыми изогнутыми рогами. Животный мир рассмешил пассажиров. Кое-кто из них привстал со своих сидений и прильнул к окнам. Оживились и офицеры. Остановка могла сильно затянуться, теперь уже по вине домашних животных. Неизвестно сколько все это продолжалось, если бы не инициатива Михайлова. Он подмигнул своему соседу и показал двумя пальцами вверх в форме буквы V, что по-гречески означало «победа». Затем быстро приподнялся с сиденья и направился к выходу. Рокотов моментально его намек понял, последовал за ним. Противостоять двум натренированным мужчинам в военной форме животные не смогли. Офицеры усмиряли их пыл сообщая, проявив при этом смекалку. Сначала они в прямом смысле положили на землю самого большого худого барана, который все еще сильно упирался. Перевязав ему поводком ноги, они схватили его за бока, за шерсть и внесли его в салон. Второй баран особых усилий от молодых людей не потребовал. Он был не только спокойным, но и очень легким. Хозяйка на радостях вытащила из небольшой котомки бутылку вина, своеобразную благодарность за погрузку. Офицеры почти одновременно покрутили головами из стороны в сторону и очень вежливо от подарка отказались. Они лишь слегка улыбались, когда кое-кто из пассажиров в ответ на благородный поступок военных стал им аплодировать. Михайлов, стоявший посередине прохода, от неожиданного внимания к своей персоне снял фуражку и стал ею махать перед своей физиономией. На Рокотова людское окружение и небольшая физическая разминка мало подействовала. Он оставался все таким же серьезным и сосредоточенным, как и раньше. Вал горестных размышлений давал о себе знать.

В небольшом городе Боржоми, расположенном на берегу реки Куры, автобус простоял почти целый час. Простоял из-за поломки. Водитель копошился возле старого водяного радиатора, из которого по причине ветхости бежала вода. На этот раз длительная остановка была как нельзя кстати. Почти все кинулись к туалетам. Кинулись к ним и офицеры. Вскоре они неспеша прогуливались по вокзалу и неподалеку от него. Никто из них не скрывал, что этот клочок земли Бог природой не обидел. Рокотов с восхищением смотрел на окружавшее его зеленое убранство и с огромным желанием вдыхал в свои легкие свежий горный воздух. Город

славился на весь мир не только своими бальнеологическими и климатическими курортами, но и своей одноименной минеральной водой. Рокотов здесь был уже во второй раз. Впервые он был два года назад, когда с женой и с двумя огромными вещмешками держал путь к новому месту службы. Алле также понравился чудесный уголок природы. Она не уставала восхищаться красотой леса, в котором произрастали дуб, ель восточная, пихта кавказская, бук восточный. По информации водителя «Волги», который за вполне доступную цену напросился довести офицера и его жену из аэропорта Тбилиси до его нового места службы, здесь было много и зверей. Среди них: кавказский олень, медведь, лесная и каменная куницы, кавказская белка.

От теплых воспоминаний о недавнем прошлом и от обилия свежего воздуха у Рокотова приподнялось настроение. Это успел заметить и Михайлов. Он, перед тем как сесть в автобус, слегка хлопнул рукой своего «больного» по плечу и с некоторым сарказмом пробубнил себе под нос:

— Андрюха... Я все не пойму, почему наши бывшие цари ссылали в Грузию многих знаменитостей... Ведь здесь и не так уже плохо... Ты согласен, мой кореш?

На реплику друга Рокотов не прореагировал. Мало того. После того, как водитель пригласил пассажиров занять свои места в автобусе, он вообще расклеился. Словно, только что не вдыхал в свои легкие свежий воздух. Словно и не было прекрасной погоды. Стояла середина февраля, несмотря на это, солнце, находившееся в зените, хоть и не припекало, но радовало своими лучами абсолютное большинство людей.

Капитан, слегка приспустив фуражку на свой высокий лоб, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Он вновь был в плену своих тревожных мыслей. Для будущего психа природа и ее прелести в один миг перестали существовать, они исчезли для него навсегда. Иногда молодой мужчина открывал глаза и задерживал свой взгляд то на медленно пробегавшем мимо него горном пейзаже, то на пассажирах. Он не обманывал себя. Во время поездки у него все больше и больше появлялось желание попросить водителя остановиться и выпрыгнуть из автобуса. Затем пойти назад, нет лучше побежать в сторону небольшого селения Вале, где дислоцировался его мотострелковый полк. Бежать в ту часть, где он, еще молодой мужчина занимал высокую должность. Желание вновь оказаться на небольшом участке земли, огражденном высоким забором из колючей проволоки, подогревалось не только тем, что он жаждал власти над людьми. Ему хотелось вернуться назад и потому, что в его душе вновь вспыхнул огонек надежды, благодаря которой он окажется в своей уже родной нише огромного и справедливого военного организма. Этот организм, эта мощная машина называлась Советской Армией, армией народа, армией для народа. Чем больше он склонялся к этой в некоторой степени пафосной мысли, тем радостнее становилось у него на душе. Его «чужацества» начальники все равно ему простят, спишут на его молодость, и он вновь, как и раньше, будет рвать когти, чтобы замолить свой первый и очень неожиданный грех. При этой мысли пассажир облегченно вздохнул...

Через некоторое время из его головы или из его мозжечка исподволь «выкатилась» другая мысль, которая, как ему стало казаться, была наиболее реальной и в стократ правильной. Ему, сыну из семьи простых учителей, Советская Армия никогда ошибку не простит. Его молодость также ему не поможет. Политические работники по всем канонам не должны ошибаться, ни в службе, ни в семье. Они, не так давно с этим соглашался и сам Рокотов, должны быть преданы делу партии беспредельно. Иначе они не могут иметь реального авторитета, в первую очередь, морального...

В город Тбилиси офицеры приехали только к вечеру, прибыли с большим опозданием. Произошло это не только по причине многочисленных поломок автобуса, но и также из-за водителя. Несмотря на почтенный возраст, он не имел опыта вождения по горной местности. На некоторых участках дороги машина сильно дергалась, что казалось вот-вот она разорвется на две, а то и большее число частей. Достигнув очередной вершины, пожилой мужчина иногда

давил на газ. От бешеной скорости у многих пассажиров захватывало дух, кое-кто крестился. Нередко происходило и другое. Из-за резкого торможения в салоне раздавался скрежет, он был такой сильный, что приходилось закрывать руками уши. В отличие от своего соседа в военной форме, Рокотов на внешние раздражители почти не реагировал. Ему было все равно, где погибать. На вершине неизвестной ему горы или в афганской провинции Кандагар. В одном он не сомневался. Именно сегодня, через пару часов для него начнется совсем иная жизнь, скорее всего, даже не жизнь, а существование, которое, он выбрал из-за своих принципов. Все эти годы он очень прилежно служил и жил по Уставу, будь то Устав внутренней службы, будь то партийный или будь то моральный кодекс строителя коммунизма. Он везде и всегда их придерживался. Он еще в детстве мечтал стать настоящим человеком, борцом за справедливое будущее. И сейчас, изредка отвлекаясь от своих грустных мыслей, он окунался, уже в который раз, в реальную действительность и вновь приходил к единому решению. От своих установок он никогда не отступит...

На автовокзале офицеры зашли в небольшое кафе, закусили. Затем спустились в метро, через несколько остановок из него вышли и пересели на автобус. Окружной военный госпиталь находился на окраине города. Вскоре они оказались перед воротами контрольно-пропускного пункта военного городка. Розовощекий прапорщик, дежурный по КПП очень долго вертел перед своим носом стандартный лист бумаги, где стояла большая печать и размашистая подпись командира мотострелкового полка. Содержание написанного почему-то только сейчас шокировало Рокотова. Он внимательно посмотрел на Михайлова и сжал кулаки. В записке было написано, что гвардии капитан Рокотов А. П. направлялся для медицинского освидетельствования о пригодности к военной службе. Некоторое время офицер молчал.

Все его надежды, даже сиеминутные, пусть даже очень робкие или потаенные остались в рядах Советской Армии, рухнули в один миг. Он, и сам не зная почему, со всей силой рванул медика за плечо и со злостью прорычал:

— Ты, медицина, почему все это время молчал?... Почему ты, не сказал мне правду? — Несколько задыхаясь, он вновь прокричал. — Почему ты все время и всю дорогу тарахтел о моем таланте, а сейчас поступаешь как последняя шавка, которая жалит исподтишка... Почему ты исполняешь безмозглые приказы командира?

Говорить какие-либо непристойности в адрес начальника медицинской службы полка Рокотов больше не стал. Он быстро вышел из небольшого помещения и стремительно направился в сторону автобусной остановки. Ему все еще казалось, что у него есть хоть какая-нибудь возможность вновь зацепиться за службу, найти хоть какую-либо толику правды в этой армии, в этой стране. В конце концов в этой партии, которая называлась коммунистической...

От внезапного бессилия перед существующей системой у офицера выступили слезы. Он то и дело сжимал кулаки и скрипел зубами. Подлость своего сотоварища по службе его также страшно взбесила. Вскоре позади него раздался знакомый голос. На этот раз Рокотов на него не среагировал, просто-напросто не хотел реагировать. Он также не среагировал и на дружеское похлопывание по его плечу. Михайлов прижал его к своей груди и с некоторым всхлипыванием произнес:

— Андрей, прости меня, прости дружище... Я никогда не был подонком и стукачом... Ни в детстве, ни в армии, пойми меня, мой начальник...

Смахнув с глаз внезапно появившиеся слезы, он вновь прошептал:

— Я, товарищ капитан, никогда, никогда не был подонком... Ты слышишь меня, Андрюха...

Через несколько мгновений офицеры обнялись и неспеша двинулись по улице, которая примыкала к окружному госпиталю. Увидев скамеечку, они присели. Долгое время молчали. Каждый думал о своем. Михайлов первым нарушил молчание. Он неспеша открыл свой саквояж и вынул из него небольшую папку синего цвета. Затем промолвил:

— Эти бумаги мне командир части приказал лично передать начальнику отделения. Тебе показывать их запрещено, причем очень строго...

Тяжело вздохнув, он с уверенностью в голосе продолжил:

— Я, Андрюха, точно знаю, что ты настоящий мужик и настоящий офицер, на которых вся наша армия и все наши победы держались и будут держаться. Только поэтому я тебе даю прочитать эти документы.

Привстав со скамеечки, он добавил:

— Я пойду, немного погуляю и успокоюсь, а ты, Андрюха, прочитай все то, что здесь написано... Прочитай внимательно и подумай очень хорошо...

Рокотов с благодарностью посмотрел на медика и несколько дрожавшими руками схватил папку. Стал смотреть ее содержимое. Медицинская инструкция по перевозке и сопровождению больных его мало интересовала. Его сейчас интересовало то, что было написано на стандартных листах бумаги. Он очень осторожно взял первый лист.

Едва посмотрел и тут же его руки обмякли. Он еле слышно прошевелил пересохшими губами: «Учитывая представленные характеристики, жалобы и психическое состояние больного, капитан Рокотов А. П. направляется на консультацию в гарнизонную поликлинику г. Тбилиси, к психиатру и невропатологу. Диагноз: Астенический синдром в выраженной форме с явлениями депрессии». Внизу стояла дата и подпись начальника медицинской службы полка. Второй лист особой радости офицеру также не принес. В служебной характеристике на капитана Рокотова, подписанной командиром части, преобладали негативы: боевую технику в полном объеме не освоил, из стрелкового оружия стрелял неуверенно, к исполнению служебных обязанностей не всегда относился добросовестно.

Над содержанием «документов» Рокотов не стал размышлять. Сомнений уже никаких не было. На него в прямом смысле состряпали компромат, притом под оком главного политработника дивизии полковника Самойлова. Он вновь перевернул страницу и уже со спокойной душой прочел, что командир части направлял его на главную военно-врачебную комиссию для определения годности к дальнейшей службы в СА.

Молодой мужчина тяжело вздохнул и неспеша закрыл папку. На его душе внезапно стало легко, даже несколько радостно. Он повернулся в сторону офицера, который все еще неспеша прохаживался неподалеку, и зычным командирским голосом прокричал:

— Старший лейтенант Михайлов, приказываю Вам в срочном порядке прибыть в мое распоряжение...

Михайлов, увидев просветленный взгляд «больного», сделал улыбку до самых ушей и почти строевым шагом подошел к маленькой беседке, на которой сидел его однополчанин. Докладывать о своем прибытии он не стал, зная о том, что не от хорошего настроения Рокотов преобразился в командиры. Присев на скамеечку, он полуобнял своего кореша и произнес:

— Андрей, ты все теперь знаешь... Я тоже о тебе думал... — Внимательно посмотрев в глаза офицера, он очень серьезно продолжил. — Мой тебе совет... Тебе не надо отступать, иначе ты попадешь в стан бесперспективных офицеров, в стан пьяниц и никчемных... — Слегка усмехнувшись, он с большим трудом из себя выдавил. — Я уже одной ногой в этом стане... Буду ждать пенсии, а потом куда жизнь выведет...

Откровенность Михайлова в некоторой степени подкупила Рокотова. Он некоторое время молчал. Размышлял над довольно трезвыми мыслями «медицинского спиртовоза», так кое-кто в полку называл начальника медицинской службы. За семь лет службы Андрей успел кое-что поведать из подноготной родной армии. За его бытность один офицер покончил с собою, другой оказался в тюрьме.

Откровения вновь вылились из уст Михайлова:

— Андрей, я написал направление по приказу командира части... Ты, ведь сам знаешь, что он с самого начала на тебя зуб точил... И ты также прекрасно понимаешь, почему...

Неожиданно он замолк, выискивал в своей голове наиболее разумные мысли, которые бы хоть чем-то могли облегчить участь его кореша. Сделав серьезное выражение лица, он продолжил:

— Одно, мой Андрюха, скажу... Если взялся за гуж, то не выпускай его из рук... В противном случае, наша любимая армия тебе такую службу сделает, что и жить не захочешь...

Рокотов на реплику товарища не среагировал. Он посмотрел на часы, вспыхнул. Было уже половина шестого вечера. Стемнело почти незаметно. Он пожал руку офицеру, и приложив руку к козырьку, очень четко произнес:

— Да, Женя, я готов нести свою ношу, свою судьбу до конца... Я не сомневаюсь, что я это испытание выдержу...

Вскоре офицеры вновь оказались перед воротами КПП. Их попытка попасть в продолговатое серое здание, где находилось психиатрическое отделение, с треском провалилась. Михайлов почти со всей силой стучал кулаком в большую металлическую дверь с небольшим окошечком. Все было бесполезно, никто не откликнулся. Не помогли ему и офицерские ботинки, каблуками которых он нередко барабанил по двери. Шло время, изнутри никто не отвечал и никто не появлялся. Словно, все вымерли. Рокотов в дверь не стучал. Он стоял молча, засунув руки в карманы офицерского полупальто и лишь изредка качал головой. Иногда улыбался. Несколько таинственное «заведение» не горело желанием взять его в свои объятия. Однако мысль о возврате домой, в войсковую часть он напрочь отбрасывал. Он однозначно решил, служить в рядах доблестной армии он никогда не будет, ни при каких условиях.

Через некоторое время из небольшого стеклянного окошечка показалась чья-то голова и тут же раздался несколько приглушенный голос:

— Товарищ старший лейтенант... Наш начальник приказал никого в отделение не пускать... Время уже очень позднее...

Длительное пребывание возле двери и русская речь с большим кавказским акцентом Михайлова страшно разозлили. Он со злостью ударил ногой в дверь и во все горло прокричал:

— Ты, земля, открывай свои хоромы, а то я всю эту конуру расшибу, одни только перья полетят...

После этих слов окошечко мигом закрылось. Вновь наступила тишина. Никто из офицеров на этот раз в дверь не стучал. Ждали ответной реакции. Вскоре раздался громкий скрежет, затем открылась входная дверь. На пороге появился подполковник медицинской службы. Это был небольшого роста мужчина, с большими зальсынами на голове. В одной руке он держал портфель черного цвета, в другой — фуражку. Михайлов, увидев старшего офицера, лихо приложил руку к козырьку и очень четко отрапортовал:

— Товарищ подполковник. Мною доставлен в окружной военный госпиталь гвардии капитан Рокотов... — После некоторой заминки продолжил. — Для медицинского освидетельствования...

Подполковник с явно недовольным выражением лица пробурчал себе под нос:

— Я, товарищи офицеры, строго-настрого дежурным приказал: никого и ничего не запускать и не выпускать после семнадцати часов...

Слегка, хмыкнув себе в кулак, он несколько заискивающе продолжил:

— Наше заведение — особое заведение... Таких в армии — раз-два и обчелся...

Бурчанье начальника Михайлова не испугало. Он улыбнулся, и козырнув рукой, еле слышно прошептал:

— Товарищ подполковник... Сделайте нам исключение... Мы ведь из-под самой турецкой границы приехали. Пожалуйста, товарищ подполковник...

Затем он протянул офицеру тонкую папочку. Подполковник, взяв ее в руки, задом попятился в помещение и закрыл за собою дверь. Появился он не скоро, минут через двадцать.

Открыв дверь, он рукой поманил к себе офицеров, прогуливающихся неподалеку. Потом поднял указательный палец в сторону Рокотова и четко произнес:

— Так и быть, капитан, для тебя сделаю исключение... — Слегка скривив свои тонкие губы, он нараспев добавил. — Больным офицерам нашей армии не по-ло-же-но-о-о бродить по ночным улицам...

Прощание однополчан было скоротечным. Михайлов слегка шлепнул своего «больного» по плечу, и пожав ему руку, резко развернулся и ускоренным шагом направился к КПП. Рокотов тяжело вздохнул и посмотрел вслед уходящему офицеру. Затем он уверенно шагнул через проем и тут же закрыл за собою дверь. На несколько мгновений замер. Его лицо было страшно бледным, словно полотно. Он машинально посмотрел на свои часы. Они показывали восемнадцать часов десять минут.

Глава вторая.

Психушка и ее обитатели

1979 год. 19 февраля. Понедельник. Вечер. Дрогов, так представился начальник отделения, опять что-то бурча себе под нос, ринулся к себе в кабинет. Рокотов едва успевал за ним. Открыв дверь, медик присел за письменный стол, включил настольную лампу и стал поочередно подносить к своим глазам бумаги, находившиеся в папке синего цвета. Служебную характеристику на только что поступившего в отделение, он читать не стал. Отложил ее в сторону. Отложил в сторону и направление командира части. Заключение полкового врача он прочитал очень внимательно и несколько задумался. Затем громко хмыкнул, и посмотрев на больного, лицо которого было неподвижным, словно изваяние, с явным недоверием в голосе произнес:

— Ну, молодой капитан, придется тебя лечить, притом довольно долго... Сейчас я тебя разглядывать не буду... Поверю этим бумажкам...

Взяв в руку папочку, и прижав ее к груди, Дрогов с вздохом произнес:

— Бумажки начальников, в первую очередь, больших, ох как много значат... Ох, как много значат в нашей жизни...

Слегка покачав головой, он протянул руку к небольшому деревянному шкафу. Вытащил из него отпечатанный бланк, положил его на стол и корявым почерком стал его заполнять. Вскоре отложил бумагу в сторону и стал накручивать телефон. Рокотов, он все это время стоял и молчал, несколько подался вперед к столу и тут же прочитал: «19. 02. 1979 г. Осмотр психиатра. Диагноз: Невротические реакции? Госпитализировать в 13 отделение. Подполковник Дрогов». Затем следовала размашистая подпись начальника.

Свою первую ночь новенький пациент 13 отделения окружного военного госпиталя № 367 почти не сомкнул глаз. Ему было не до сна. Его тревожила не столько необычная обстановка в большом спальном помещении, а сколько прожитые им годы, в первую очередь, служба в Закавказском военном округе. Его мечта поступить в академию рухнула в один миг. Хотя не так давно шансы поступить в высшее военное заведение у него были, и немалые.

В этом году зима в ГДР была суровая, часто валил снег или стояли сильные морозы. Природные катаклизмы старшего лейтенанта Рокотова не волновали. Он с оптимизмом смотрел в будущее. Причиной этому стало его собеседование с заместителем начальника политического отдела танковой дивизии. Встреча произошла совершенно случайно.

Андрей контролировал прием пищи личным составом батальона. Появление незнакомого подполковника в солдатской столовой для него было полнейшей неожиданностью. Своих офицеров он знал наперечет, старожилы и новеньких. Знал он также многих офицеров и из управления дивизии. Этого же молодцеватого вида мужчину с двумя большими звездами на погонах он видел впервые. Он представился старшему по званию. Подполковник Рыбалкин тут же напросился в гости в отличный батальон. Рокотов за вверенное ему подразделение почти не волновался. Два этажа казармы, где располагались военнослужащие, всегда были в полном порядке. В этом, конечно, была заслуга командиров рот и их старшин. Далекое не последняя и заместителя командира батальона по политической части.

Гость остался доволен внутренним порядком. Ленинские комнаты трех мотострелковых рот и минометной батареи также вызвали у него неподдельную радость. Не упустил он из виду и документацию батальонного политработника. И здесь все оказалось в ажуре. В кабинете у Рокотова состоялся откровенный разговор. Был ли он по душам или просто для галочки, он и до сих пор не понимал. Скорее всего, это было данью времени, требованиям партии.

Очередная ступенька в военной карьере для Рокотова далась нелегко, с большим трудом. Через два года после его прибытия в мотострелковый полк на отчетно-выборном собрании партийной группы роты присутствовал начальник политического отдела 1-ой танковой армии. Седой генерал с одной большой звездой на погонах во время отчетного доклада, который делал парторг, часто кивал головой. Это означало, что он полностью поддерживал критику в адрес коммунистов низового звена. Затем состоялись прения. Клерки говорили очень коротко и поделовому. Выступление седовласого мужчины было заключительным и во многом напоминало доклад, который изобиловал ценными указаниями. Рокотов сидел с умным видом и с большим усердием делал пометки в своей толстой тетради. Напряженно работал авторучкой не только он один. Мудрые мысли шефа конспектировали: начальник политического отдела дивизии, замполит полка и командир батальона. Очередное мероприятие для больших начальников, подготовка которого полностью лежала на ротном политработнике, прошло на ура. Через два дня о собрании, «ставшим настоящей школой для молодых коммунистов», написала групповая газета «Советская Армия». Еще через месяц на совещании молодых политработников начальник Политического управления ГСВГ, седовласый генерал уже с тремя большими звездами на погонах среди лучших офицеров Рокотова назвал первым. Время неумолимо шло и шло. Офицер, некогда подававший большие надежды, все еще оставался на ротном олимпе. Только через четыре года его заметили...

Во время душевной встречи с подполковником молодой офицер поделился своими задумками. Его желание учиться в академии Рыбалкин полностью поддержал, хотя посетовал, что время для подачи документов уже ушло. Предложил для начала пройти медицинскую комиссию. Тепло прощаясь, незванный гость крепко пожал руку Рокотову и с улыбкой подытожил:

— Давай дерзай, батальонный начальник... Все надо делать заранее и вовремя... — Скорее всего, собственная мысль визитеру понравилась. Он вновь широко улыбнулся и уже на полном серьезе произнес. — Хочешь сделать карьеру — учись...

Подчиненный без промедления исполнил указания своего шефа. Через неделю он успешно прошел медицинскую комиссию в Дессау, где находился военный госпиталь. Здоровье считалось одним из важных элементов для тех, кто мечтал о больших звездах. Еще через неделю он собрал остальные необходимые документы для поступления. Все бумаги были приобщены к его личному делу.

Через год после службы в Закавказье Рокотов вновь обратился по команде по поводу своей мечты. Майор Солодов был не против, чтобы пропагандист полка учился. Оставалась очередная ступень повыше. Здесь вышла осечка, притом довольно серьезная. Попытки Солодова связаться с начальником политического отдела дивизии по телефону, как правило, заканчивались крахом. Самойлов отсутствовал или у него не было времени для личных разговоров. Приближалась весна. Кое-кто из офицеров мотострелкового полка, желавших учиться в военных академиях, подали документы. У Рокотова времени уже было в обрез. Он обратился к начальнику напрямую. Произошло это во время совещания в политотделе дивизии, его проводил Самойлов. Не получилось. Низкорослый офицер, на голове которого полностью отсутствовала волосяная растительность, даже не соизволил взглянуть на высокого капитана, который стоял по стойке «смирно» и с некоторым страхом смотрел на своего шефа. Полковник на приветствие подчиненного вообще не прореагировал. Он слегка взмахнул рукой в его сторону и тут же устремился к выходу. Рокотов обратился к заместителю Самойлова. О майоре Иванове в соединении ходили разные слухи и сплетни. Каких хороших или плохих было больше, Андрей не считал. И здесь его надежды не оправдались. Иванов, слегка приподняв плечи, сквозь зубы процедил:

— Знаешь, капитан, мне мой шеф не по зубам... — Затем, втянув в себя табачный дым, медленно его выпустил из своих широких ноздрей и с некоторым равнодушием к стоявшей

рядом с ним персоне, ехидно произнес. — Петрович, ты ведь не мальчишка... Наш устав, я думаю, знаешь хорошо... Куда ни кинь, везде надо ждать команду...

Рокотов, скрепя сердце, решил больше не докучать начальникам. Прошел еще месяц. Все это время он страшно нервничал. В начале мая ему повезло. Солодов пригласил его к себе в кабинет и стал накручивать телефон. Тотчас же раздался хриплый голос Самойлова. Едва майор заикнулся о возможности обучения своего подчиненного в академии, как его лицо страшно осунулось. Рокотов понял ситуацию мгновенно. Он быстро взял трубку из рук замполита и приложил ее к своему уху. До него донеслось:

— Я вижу, майор, что этот нахрапистый капитан из Германии мечтает стать генералом... Мечтать ни кому не запрещено... Я же, как его начальник, считаю, что пусть он сначала послужит в моей дивизии, например, пару лет, а потом дело будет видно...

Рокотов не выдержал. Он с некоторым волнением в голосе произнес:

— Товарищ гвардии полковник... Я считаю, что я достоин быть кандидатом для поступления в академию... — На какой-то миг он замолк, перевел дыхание. Затем более уверенно добавил. — Мне уже двадцать семь... Я должен ждать еще пять лет в Закавказье, потом...

Внезапно офицер поперхнулся. Его руки ослабли, его голос пропал. Его мозг пронизывала одна единственная мысль. После такого разговора с большим начальником его карьере пришел каюк. Армейская дыра, находившаяся в пяти километрах от турецкой границы, обеспечена ему до самой пенсии. Он положил трубку и устало засеменял к выходу...

Во время тяжких размышлений у только что прибывшего пациента появились головные боли. Он встал с постели и вышел в небольшой полуосвещенный коридорчик. Дежурный по отделению, облаченный в халат синего цвета, сидел на стуле возле входной двери и клевал носом. Рокотов улыбнулся и посмотрел на свои «Командирские». Они показывали двадцать два часа сорок минут. До начала очередного дня оставался час с небольшим. Он зашел в туалет и подставил голову под кран, включил холодную воду. Немного полегчало. Вскоре он вновь оказался в коридорчике. Сторож на этот раз уже храпел. Его «бдение» в некоторой степени приободрило офицера. Он слегка покачал головой и направился в холл. В полутемном помещении на специальной подставке стоял телевизор. Неподалеку от него, возле окна стоял небольшой столик, на котором лежали Уставы Советской Армии и подшивки газет. Рокотов наощупь нашел за столиком выключатель, им щелкнул. На потолке, прямо над ним загорелась небольшая лампочка. Он увидел знакомые ему газеты. «Красная звезда» его мало интересовала. Ему больше нравилась центральная партийная газета «Правда». Он нередко использовал идеи и выдержки из ее передовиц в своей работе...

Молодой мужчина в предвкушении почитать, слегка потер руки и присел за стол. Его попытка придвинуть стул к себе поближе успехом не увенчалась. Однако он не расстроился. Желание полистать свежий источник информации взяло верх. В последнюю неделю ему было не до газет. Вскоре он двинулся в спальное помещение. Лег в постель и по самую голову укрылся одеялом. Напрягать свой мозжечек ему больше не хотелось. Он все настойчивее погружался в сон, физиологическое состояние покоя и отдыха.

1979 год. 20 февраля. Вторник. 7 часов 40 минут. Рокотова неожиданно кто-то толкнул в плечо и быстро снял с его груди одеяло. Затем раздался голос:

— Советский воин, хватит спать... Просыпайся, а то опоздаешь в столовую. — Из-за неподвижности лежачего голос тут же перерос в командный. — Эй, салага, вставай, а то останешься голодным...

Рокотов нехотя открыл глаза и увидел перед собою худощавого мужчину, лет тридцати пяти, сорока. Его лицо было тщательно выбритым, о чем свидетельствовали еле заметные ссадины от электрической бритвы. Одет он был в темно-коричневую пижаму. Его русые волосы были тщательно зачесаны на бок, на голове был пробор. Несколько ехидный взгляд незна-

комца, стоявшего возле кровати, новенького разозлил. Он слегка приподнял голову с подушки, и зыркнув глазами по сторонам, сквозь зубы процедил:

— Ты, земля... Я вижу, что ты еще не научился отличать салагу от старика. — Заметив на физиономии коротышки не то растерянность, не то страх, он продолжил натиск. — И кто ты такой, что даешь мне указания?

Рокотов вновь повернулся на бок и набросил на свою голову одеяло. Ему сейчас было все безразлично. И это новая обстановка и личная жизненная неопределенность. В том, что его поучал не то прапорщик, не то «задвинутый», так прозывали в армии офицеров, которые дослуживали свой век и ждали пенсии, он нисколько не сомневался. Через некоторое время его вновь толкнули в плечо. И опять раздался уже знакомый ему голос:

— Товарищ новенький... Просыпайся, останешься голодным... Голодать надо с умом, без ума голодать — комедия...

Рокотов и на этот раз не реагировал, продолжал лежать. Он слегка вздохнул, когда неизвестная, притом наглая «муха» зашаркала ногами в сторону коридора. Он слегка скинул одеяло на уровень плеч и приложил руку к своему лбу. Закрыв глаза и тяжело вздохнул. Лоб был страшно горячий, словно раскаленный утюг. В висках стучало и сильно давило. От чего появились боли, лежачий и сам толком не знал. Возможно от душевных переживаний или от сквозняков, которые гуляли в автобусе. Кое-кто из пассажиров не выдерживал спертого воздуха и открывал окна или воздушные задвижки на крыше салона.

Через некоторое время к Рокотову опять кто-то подошел. На этот раз его не толкали в плечо и не пугали голодом. Он услышал:

— Товарищ капитан, я сержант Георгадзе... Я дежурный по отделению...

Офицер не среагировал. Продолжал лежать с закрытыми глазами. После сиеминутного молчания донесся все тот же голос, но уже более уверенный:

— Товарищ капитан, подполковник Дрогов ждет Вас у себя в кабинете в десять часов утра...

Новенький с неохотой открыл глаза и очень медленно повернул голову в сторону, откуда только что раздался звук голоса. Неподалеку от его кровати стоял высокий молодой человек, одетый в халат синего цвета. Андрей некоторое время лупал глазами. Он все еще не понимал, почему солдат был такой мордovorот и к тому же в синем халате. За всю жизнь он всего пару раз был в медицинских учреждениях, никто из обслуги не ходил в подобном одеянии. Заметив удивление на лице новенького, Георгадзе встал по стойке «смирно», и словно на военном параде, протараторил:

— Товарищ капитан, Вам необходимо переодеться... Начальник отделения в военной форме одежды никого не принимает...

Капитан указания дежурного пропустил мимо ушей. Ему и так было давно известно, что больные должны иметь специфическую одежду. Он быстро сбросил с себя одеяло, встал и неспеша оделся. Саквояж, полупальто и фуражку взял в руки. Затем он последовал за «синим халатом». В голове офицера внезапно появилась неординарная мысль, которую он подхватил стремительно, почти слету. Он решил следовать ей до самого окончания пребывания в госпитале. Его кредо заключалось в следующем. Гвардии капитан Рокотов в этом заведении никому не мешает и ему никто не должен мешать. Искать правду, особенно в психушке, равносильно бегать по стенам или по потолку. Делать первое, он считал не только бессмысленным, но и опасным занятием. Делать второе он не мог по причине своей физической немощи...

Мужчины вышли из спального помещения, затем прошли по коридору и вскоре оказались в небольшой каморке. В отличие от вещевого склада, где капитану приходилось частенько бывать, здесь не было ни обмундирования, ни нательного белья, ни кожаных офицерских ремней. На двух полках лежала «психическая» одежда для больных — пижамы, все они были коричневого цвета. На третьей полке находилось несколько стопок с полотенцами. В этой же

комнате стояло два деревянных шкафа, в них складировалась военная форма больных. Георгадзе внимательно окинул взглядом, стоявшего рядом с ним мужчину, и вытащил из стопки сначала брюки, затем куртку. Рокотов неспеша примерил одежду.

Она, к его удивлению, оказалась ему впору. Заметив улыбку на лице офицера, неофициальный каптенармус весело произнес:

— Товарищ капитан, я на складе еще до армии работал, работаю и сейчас... Не переживайте, я никогда ошибок не делал...

Затем слегка похлопал себя по груди и с нескрываемой гордостью продолжил:

— Мои начальники всегда меня в пример ставили...

Рокотов на хвастовство молодого грузина не среагировал. Он быстро снял с себя офицерскую форму и тут же облачился в коричневое одеяние. Затем руками стал его щупать, проверял качество. «Роба» и на самом деле была новой, от нее исходил особый специфический запах. Георгадзе, уловив заметное оживление пациента, подошел к нему и еле слышно прошептал ему на ухо:

— Товарищ капитан, я выдаю хорошим людям только новое... Этому меня учила моя бабушка Сулико, учил этому и мой отец...

Новенький не удержался. Он положил руку на плечо сержанта, и слегка покачивая головой, с улыбкой произнес:

— Молодец, Георгадзе, правильно делаешь и правильно говоришь... Гвардии капитан Рокотов неплохой человек. Я думаю, что мы с тобою в этом спецзаведении найдем общий язык...

Внимание начальника к собственной персоне дежурному сильно понравилось. Он широко улыбнулся и разоткровенничался:

— Товарищ капитан, я думаю, что Вы не бандит и не убийца... Хотя подобные у нас есть...

После этих слов он очень внимательно посмотрел на офицера. Рокотов на его реплику не ответил, промолчал. Ему сейчас не хотелось заводить речь о обитателях психушки. К тому же, он еще не знал, чем «дышит» эта мощного телосложения детина. В том, что он мог быть подставной уткой начальника отделения, он не исключал. Он улыбнулся, и пожав сержанту руку, произнес:

— Правильно делаешь, товарищ Георгадзе... Капитан Рокотов — боевой офицер. Он не должен ходить даже в этом заведении в потертых брюках... Спасибо тебе, каптенармус...

Затем, лихо приложив руку к своей голове, он вышел из комнаты. Направился в столовую. Чувство голода Андрей испытывал давно, еще ночью. Что-либо покушать в столь позднее время, он не надеялся. Однако ему повезло. В столовой, которой служила довольно просторная комната, сидело человек пятнадцать – двадцать, не больше. Вошедший медленно повел глазами по сторонам. Все места были заняты. Лишь за небольшим столиком, стоявшим рядом с раздаточной, имелось свободное место. За ним сидел мужчина и очень лениво пережевывал пищу. Рокотов подошел к столу, кивнул головой и на мгновение замер. В сидевшем он признал коротышку, который совсем недавно приглашал его в столовую. Узнал его и худощавый. Он криво усмехнулся, и резко выбросив указательный палец в сторону офицера, с нескрываемым злорадством произнес:

— Ну, вот, салага, я же тебе говорил, что голодать надо с умом... Я же говорил, салага...

Панибратство коротышки у Рокотова вызвало негодование. Он все еще стоял и не знал, что ему делать дальше. Желание стукнуть прапорщика по физиономии, он откладывал на задний план. В том, что мужчина, лениво двигающий челюстями, прапорщик, он не сомневался. Не сомневался, несмотря даже на то, что тот был одет в подобную робу, что и он. Не нравились офицеру и его желто-темные зубы, которые он оскаливал во время разговора.

Вскоре произошло нечто непредсказуемое. Коротышка сильно постучал по столу кулаком и зычным голосом прокричал:

— Я прапорщик Соловьев... Почему на моем столе нет русской водочки? Почему нет моей водочки?...

Ехидно улыбнувшись, он перевел взгляд в сторону раздаточной, где стояла женщина в белом халате. Затем медленно покрутил головой по сторонам и истерически завопил:

— Где моя водочка? Где моя жена Машка, которая страшно меня любит?...

Рокотов на дурачество коротышки не прореагировал, он лишь слегка стиснул зубы и незаметно присел за стол. Тут же к нему подошла женщина в белом халате и поставила перед ним металлическую тарелку с картофельным пюре и с небольшим куском жареной рыбы. Андрей слегка опустил голову вниз, принялся. Приятный запах жаренного возбудил в нем сильный аппетит. Он почти автоматически протянул руку к центру стола и тут же несколько опешил. Вместо вилки на столе лежала ложка, и та была почему-то с тупым концом. Он невольно повернул голову в сторону соседа. Соловьев, лениво уплетая за обе щеки картофель, еле-слышно пробубнил себе под нос:

— Товарищ начальник, береги свои нервы... Здесь особые условия труда и службы... Как видишь, салага, здесь даже нет моей любимой водочки...

Ответ соседа не удовлетворил новенького. Он приподнял голову и внимательно присмотрелся к тем, кто принимал пищу. В руках у них вместо вилок были ложки. В центре каждого стола стояла металлическая тарелка с нарезанными кусками хлеба. Неподалеку от нее стояли кружки с компотом, они также были из металла. Рокотов вздохнул и принялся кушать. Доведительного разговора во время завтрака у мужчин не получилось.

Прапорщик Соловьев первым забросил удочку для общения. Облизав ложку, и от удовольствия пару раз щелкнув языком, он пригнул голову вниз, словно кого-то боялся, затем прошипел своему соседу:

— Слушай меня, салага... Я сегодня покидаю этот дурацкий балаган... Жена соскучилась по мне, она меня уже давно в постель зовет... — Затем, почти вплотную прильнув к офицеру, он с ехидцей прогнусавил. — Ну, а ты, вояка, по какой линии сюда прибыл? По пьяни или по разбою?

Коротышка на этот раз «достал» Рокотова окончательно. Он привстал из-за стола, и схватив рукой мясистый нос прапорщика, со злостью сквозь зубы процедил:

— Ты, дебил в погонах... Запомни, что я не салага, а капитан Советской Армии. Это, первое... Второе, катись быстрее к жене или в родную часть, пока я тебя не удушил...

Стиснув зубы, он резко отпрянул от худощавого и тут же выпустил из руки его нос. Затем ринулся в туалетную комнату. Несколько капель светло-темной жидкости, оставшиеся на ладони, вызывали у офицера отвращение. Он открыл кран, и закрыв глаза, подставил обе руки под струю воды. Некоторое время он не мог успокоиться. Сказалась стычка с Соловьевым. Желание найти его и по-настоящему врезать ему по физиономии у Рокотова то появлялось, то исчезало. За время службы он довольно часто попадал в подобные конфузы с «прапорами». Его ротный старшина Корольков имел грех — тащил из роты все, что попадалось ему под руки. В батальоне у двух прапорщиков был другой грех — пили. Поглощали все, что кружило голову. Иногда останавливали местных немцев и просили у них денег. Никто не отказывал...

В спальное помещение Андрей пришел где-то через полчаса. Все больные находились в горизонтальном положении. Гробовая тишина вызвала у новенького удивление. Он присел на табуретку и окинул взглядом соседнюю кровать, она была незанятой и застелена синим одеялом. Офицер невольно усмехнулся. Синий цвет в постельном деле был самым любимым в Советской Армии. Одеяла синего цвета были в военном училище, были они и в Группе советских войск в Германии. Были они и здесь, в 13 отделении госпиталя № 367 Закавказского военного округа.

Неподалеку от окна, напротив, стояла другая кровать, также незанятая. Скорее всего, обе кровати были приготовлены для очередных больных. Рокотов невольно поерзал на табуретке, затем привстал и попытался придвинуть ее поближе к своей кровати. К его удивлению, сиденье на четырех ножках оставалось неподвижным. Он принапряг силы. Деревянное изделие и на этот раз стояло на месте. Он с недоуменным выражением лица наклонился вниз, присмотрелся. От увиденного невольно засмеялся. Ножки табуретки были прикручены к полу, с помощью специальных едва заметных металлических пластинок. После этого у офицера уже сомнений не было. Министерство обороны СССР, да и не только оно одно, вся страна боялась психов, которые из-за своей головы могли сотворить что-то опасное не только соседу по психушке, но и власти. Стиснув зубы, он подошел к своей кровати и обеими руками схватился за металлическую дужку, затем резко дернул ее в сторону. Длинная рама с ножками и двумя боковыми спинками не шелохнулась. Подобное он сделал и с тумбочкой, она также не двигалась.

От внезапного шока Рокотов прилег на кровать и закрыл глаза. Он все еще не понимал специфические особенности заведения, в которое его насильно упрятали. Вскоре он открыл глаза и приподнял голову, бросил взгляд на окно, которое было напротив его кровати. От увиденного вновь заскрипел зубами. Прозрачный твердый материал, получаемый из кварцевого песка и окислов ряда металлов, снаружи был обрешечен заграждением из металлических прутьев. Бытовой и столовый «сервис» не прибавили настроения армейскому политработнику. Он уставился на потолок и некоторое время смотрел на белое полотно. Оно, к его удивлению, было без решеток...

Рокотова вызвали к начальнику отделения ровно в десять часов утра. За ним пришел все тот же Георгадзе. Эдик, так звали сержанта сопровождал его до самого кабинета Дрогова. На приветствие вошедшего начальник не среагировал. Он что-то еле слышно буркнул себе под нос и показал рукой на майора медицинской службы, который сидел на стуле и внимательно наблюдал за поведением новенького. Офицер слегка приподнялся, и протянув руку пациенту, представился:

— Майор Колесников Алексей Михайлович... Я буду у Вас лечащим врачом...

Рокотов, соизмерив глазами мужчину, которому было за сорок лет, без всякого желания ответил на его рукопожатие. Затем он слегка насупился и опустил свои глаза. Он все еще не понимал, как его совершенно здорового человека кто-то и от чего-то будет лечить. Мало того. Обстановка, царившая в специальном заведении, необъяснимые меры предосторожности в столовой, и особенно металлические решетки на окнах, очень сильно бередили его душу. Он, молодой человек, которому всего-навсего было двадцать семь лет, все еще был в недоумении, почему он должен проходить обойму каких-то специальных наказаний или лечений лишь за то, что он не всегда мыслил и действовал, что предусматривали циркуляры. В черепной коробке Андрея Петровича Рокотова никогда не было какой-либо крамолы. У него была единая цель и обязанность — честно и добросовестно служить Родине...

Колесников кивнул головой своему начальнику, который уже кому-то звонил, и вышел из кабинета. Рокотов последовал за ним. Офицеры сначала прошли по узкому коридору, затем оказались в кабинете. Изысканной обстановки в нем не было. В самом углу комнаты стоял письменный стол с небольшим светильником на высокой подставке. Позади стола, на стене на специальных крючках висела книжная полка с медицинскими справочниками, другой литературой. Возле двери лежал картонный ящик, скорее всего, для мусора. Врач кивком головы пригласил пациента присесть на стул, стоявший неподалеку от окна. Он было единственным в кабинете. Сам же сел в кресло, за письменный стол. Затем из небольшой стопки бумаг, лежавших прямо перед его носом, он вытащил папку синего цвета.

Рокотов не удержался, невольно улыбнулся. Без знакомого ему «досье», медицина не могла его лечить. Прочитав бумаги, майор поднял указательный палец кверху и с улыбкой воскликнул:

— Пстой, пстой, Андрей Петрович... Я чуть было не забыл... А где твоя медицинская книжка? При тебе? Или ты ее в своей части оставил?

Рокотов кисло улыбнулся и со вздохом еле слышно пробормотал себе под нос:

— Я, товарищ майор, всегда ношу ее только с собою. Она для меня как неоспоримое доказательство, что я все-таки здоровый человек...

Врач с удивлением посмотрел на пациента, немного приподнялся с кресла и с явно недоуменным выражением лица переспросил:

— Как это следует понимать, товарищ капитан? Ты считаешь, что здорового человека можно сделать больным?

Ярко выраженное притворство медика или просто его игра в выкрутасы в сей миг вывела новенького из себя. Он сильно стиснул зубы, и с явным пренебрежением к сидевшей персоне, выпалил:

— Я все прекрасно понимаю, товарищ майор медицинской службы... Здоровый человек, то есть я, капитан Рокотов Андрей Петрович не должен сидеть в психиатрической больнице...

— Переведа дух, он продолжил. — Я уже повторял, повторю еще раз, повторю и сотню раз... Я не должен здесь сидеть, не должен...

Затем он быстро встал со стула и направился к выходу. Перед дверью остановился, и сжав кулаки, со злостью прошипел:

— Я принесу медицинскую книжку, она в моем саквояже... Я всегда ее, особенно сейчас, берегу... — Перед тем, как закрыть за собою дверь, он добавил. — Я буду очень рад, если сегодня же окажусь в моем мотострелковом полку...

Рокотов вернулся в кабинет лечащего врача очень быстро. Ему повезло, Георгадзе в это время был в каптерке. Колесников с нескрываемым интересом открыл медицинскую книжку своего необычного пациента. Чем больше он углублялся в ее чтение, тем больше его физиономия расцветала в недоумении. Через некоторое время он закрыл книжку, задумался. Затем, слегка покачивая головой, опять ее открыл. Пролистал несколько страниц. Потом поднял голову и очень внимательно посмотрел на довольно симпатичного владельца этого важнейшего документа. Он, как врач, лучше всех знал, что стоила эта небольшая книжечка для офицера, особенно молодого. В ней фиксировались все болячки военнослужащего, от его пеленок до выноса тела.

За шесть с небольшим лет у лейтенанта, потом старшего лейтенанта и молодого капитана со здоровьем все было в полном порядке. Даже все тридцать два зуба были на месте. В разделе «Анамнез» везде стояло одно и то же: не было, не лечился, не отягощена, нет и тому подобное. Отменное здоровье новенького все сильнее подогревало интерес у врача. Он слегка опустил голову вниз, и ткнув пальцем в книжку, громко прочитал:

— Пункт 9. Вредные привычки: алкоголь, курение и др. Черным по белому написано: не курит, алкоголь употребляет умеренно...

Затем приподнял голову и почти в упор спросил у Рокотова:

— Ну, капитан, правильно здесь написано?... Согласно этому документу, ты являешься настоящей находкой для наших доблестных Вооруженных Сил...

Почесав рукой левое ухо, майор усмехнулся и с явным недоверием к своему пациенту, произнес:

— Андрей Петрович, хоть режь меня, но по-моему здесь написана настоящая туфта. Я, честно, этому не верю...

Слегка крякнув, и показав рукой на графин с водой, стоявший на краю стола, он почти на полном серьезе добавил:

— Ну, ты, как армейский политработник, скажи честно, кто из советских офицеров, я о прапорщиках вообще не говорю, не пьет?

Заметив строгое выражение лица пациента, он еле слышно прошептал:

— Да, все пьют, как сапожники, особенно в больших дырах, где лишь питейное ремесло спасает нашего брата от сумасшествия... — Тяжело вздохнув, он продолжил. — Мой друг пару лет назад приехал из Забайкальского военного округа... Там такое творится...

Новенький, к огромному удивлению врача, разговор его не поддерживал. Он стоял мрачный, лишь иногда скрипел зубами. Рокотов не скрывал, что никчемные разговоры медика его сильно раздражали. Ему сейчас казалось, что майор просто-напросто разыгрывал тюльку. Почему медик это делал, он еще до конца не понимал. Ему же лично самому все было понятно. В папке синего цвета все было четко расписано, зачем и почему его направили в окружной военный госпиталь.

Вскоре Колесников в какой-то мере прочитал мысли только что прибывшего на лечение офицера. Он тяжело вздохнул и по-дружески сказал:

— Ты, уже извини меня, старика, я просто-напросто хотел тебе поднять настроение. Однако, вижу, что тебе сейчас не до цирка... Извини, меня, Андрей...

После этих слов он вновь взял в руки медицинскую книжку. Перевернул пару страниц, и с явным непониманием написанного, произнес:

— Андрей Петрович... Я вот смотрю в этот архиважный документ и удивляюсь... 17 декабря 1976 года медицина войсковой части полевая почта 83032 определила тебя годным для поступления в Военно-политическую академию имени Ленина. Это же прекрасно...

Хмыкнув себе в кулак, и уставив глаза на пациента, он с улыбкой спросил:

— И сколько тебе в ту пору годков-то было, сынок...

Панибратство медика, облаченного в белый халат, в конце-концов вывело Рокотова из себя. Он сделал выпад телом вперед, и сжавшись в единый комок, словно ястреб, преследующий свою добычу, со злостью прошипел:

— Товарищ майор, я прошу, как офицер, придерживаться военной субординации, которая существует в нашей армии, независимо от того, где ты в казарме или лежишь на бабе...

Суровость и в некоторой степени наглость молодого человека в гражданском форме темно-коричневого цвета не испугали сидевшего в кресле. Наоборот, прибавили ему сил и задора. Колесников привстал, вышел из-за стола и подошел к ершистому. Полуобнял его и с улыбкой произнес:

— Не обижайся на меня, Андрей, я тебе это почти по-отцовски говорю... Неделю назад мне стукнуло сорок три... Через пару годков уйду на заслуженную пенсию. Я, хотя и врач, но право не знаю, сколько протяну гражданскую лямку...

Сделав кислое выражение лица, он со вздохом продолжил:

— Родине отслужил честно, отдал двадцать лет... На большее я не способен...

Искренность майора в какой-то мере подкупила Рокотова, его глаза внезапно повлажнели. Он тут же остыл и с большим трудом выдавил из себя улыбку. Он в какой-то мере уже жалел «задвинутого» медика-офицера. Однако от появившегося умозаключения ему лично самому не становилось лучше. Майор через два года получит неплохую пенсию, квартиру и будет у себя на родине ловить рыбу или разводить пчел. У него же, салаги ничего не было и нет. И не будет. Он даже не знал, что произойдет с ним через год, даже через час.

Одновременно он не исключал, что медик ему о своей службе просто-напросто лгал. Прилив грустных мыслей вновь «поставил» его на прежнее место. Он насупился, слегка сжал кулаки. Колесников молниеносную перемену настроения пациента не заметил, а может и не хотел замечать. Он вновь сел за стол, полистал медкнижку и опять с явным недоумением произнес:

— Андрей Петрович, через два года ты опять прошел медицинскую комиссию, уже в нашем любимом округе и опять положительное заключение комиссии — диагноз — здоров...

Ткнув пальцем в жирную печать, удостоверявшую написанное, он с некоторым пафосом прочитал:

— На основании ст. гр. III приказа Министра обороны СССР № 185 – 73 года признан: годен к поступлению в Военно-политическую академию на общевойсковой факультет очного отделения. Председатель ГВВК майор Коновалов.

Дальнейшее поведение врача у «психа» особой радости не вызывало. Наоборот, страшно раздражало. Майор то очень медленно листал книжку, то внимательно смотрел на того, кто стоял перед ним, словно истукан. Показное трюкачество в конце концов медику надоело. Он закрыл книжку и повернул голову в сторону гражданского в коричневом одеянии. Затем, словно мальчишка или первооткрыватель, громко прокричал:

— Андрей... Я все не понимаю, как наша медицина умудрилась через два месяца признать тебя больным и направить в мое заведение... Скажи-ка мне, на милость...

Рокотов, наблюдая за своим лечащим врачом, молчал. Словно, все то, что происходило и говорилось в этом кабинете, его вообще не касалось. Хотя он не скрывал, что желание открыть свою душу майору у него было. Однако он всеми жабрами сдерживал себя. Не хотел делать очередную ошибку, которая и без этого могла ухудшить его трагическое, даже архитрагическое положение. Чем больше он всматривался в черные глаза военного врача, тем холоднее был его взгляд, тем плотнее закрывалась его душа для тех, кого на этой земле называли людьми, человеками.

Только поэтому он прикусил себе нижнюю губу и очень резко произнес:

— Товарищ майор, Вы прекрасно знаете, что наша армия по составу — рабоче-крестьянская, а ее умное руководство...

Стрельнув холодным взглядом сидевшего в кресле, он ехидно добавил:

— Не мне учить Вас, товарищ майор... Я думаю, что Вы все это и сами прекрасно понимаете...

Строгий и недоброжелательный взгляд, даже в какой-то мере ненависть пациента обидела врача. Он не сомневался, что задушевного разговора с ним не получилось. И навряд ли уже получится. Оставлять же молодого человека в таком нервном состоянии, он не хотел. Не хотел, как старший по возрасту мужчина и как офицер. Колесников неспеша вышел из-за стола и направился к небольшому металлическому шкафу, стоявшему в самом углу кабинета. Открыл ключом сейф и положил в него медицинскую книжку и папку своего подопечного. Рокотов кисло улыбнулся. Он был не против того, чтобы его «доказательство» было под надежной охраной. В каптерке документы могли выкрасть или даже выбросить. Хранить их в тумбочке, в спальном помещении вообще не было смысла. Медицинская книжка являлась документом строгой отчетности. Они хранились в специальных шкафах в медицинских пунктах частей под замком. При направлении военнослужащего на лечение или консультацию книжка выдавалась ему в запечатанном конверте под роспись или пересылалась служебной почтой. Таким же порядком она возвращалась обратно в часть. Свою книжку Рокотов после прохождения медицинской комиссии для поступления в академию не сдал. Она находилась у него дома, на всякий случай. И этот случай представился. Михайлов, скорее всего, про нее забыл. Лишь после того, как врач щелкнул ключом, пациент с облегчением вздохнул.

Колесников Алексей Михайлович очень медленно закрывал сейф. Его голову все больше и больше будоражили мысли, притом очень интересные. Он уже не сомневался, что новенький был и есть здоровый человек. Свидетельством этому — медицинская книжка. Доказательством этого было и его вполне цивилизованное поведение. Рокотов, несмотря на страшнейшую нервную нагрузку, держался относительно спокойно. И это вновь приводило специалиста к сомнению в его диагнозе. Только поэтому он хотел стать на сторону парня, который в свои двадцать семь лет сделал очень неплохую карьеру, как военный человек. Закрыв сейф, он подошел к «психу», слегка похлопал его по плечу и по-дружески произнес:

— Андрей, не переживай сильно... Я знаю, тебе сейчас очень тяжело... Страшно тяжело, но крепись... — После очень короткого раздумья он продолжил. — Я тебе скажу честно... На

убийцу или алкаша ты не похож... В моей практике, а может и вообще в истории советской военной медицины ты первый, Андрей...

Не высказав свою мысль до конца, врач несколько приподнялся на носках и прямо в ухо прошептал своему пациенту:

— Я не всегда понимал этих комиссаров... Их первых расстреливали, они первыми шли в атаку... Сейчас их первых посылают...

Колесников и на этот раз не до конца высказал свою мысль. Рокотов же и не горел желанием переспрашивать намеки старшего по званию и по возрасту офицера. Он был далеко неглупый человек. Он прекрасно понимал, пусть даже не все, но очень многое понимал. Четыре года военного училища, шесть лет офицерской службы многому его научили. Он успел за это время почерпнуть не только радости, но и разочарования. Последних, как ему сейчас казалось, у него было куда больше. Он протянул руку медику, быстро развернулся и вышел вон...

Майор медицинской службы в кабинете просидел еще где-то около получаса. Все думал о новеньком. Он восхищался им и одновременно его жалел. За время его службы ребят, подобных Рокотову, он видел многих. Они отдавали военной службе себя без остатка. Благодаря им прирастала боевая мощь подразделений и частей. Через два-три года военная машина, которая называлась Советской Армией, многих из них ломала, кое-кого выбрасывала на обочину жизни. В первую очередь, в эту мясорубку попадали выходцы из рабоче-крестьянских семей. Сынки военных боссов, партийно-советской номенклатуры шли выше и выше. Количество больших звезд на погонах для отпрысков определялось в столице большой страны. Единицы из «пролетариев», в лучшем случае, «засыхали» на полковом уровне. Были и такие, кто спивался или в прямом смысле становился преступником. Советская Армия с подобными расправлялась безжалостно. Не последнюю роль в этой гильотине играли и психиатрические отделения окружных госпиталей. Из некогда служивых мало кто неписаным законам противился. Было бесполезно, да и бессмысленно. За преступления, будь они малые или большие, никто не хотел сидеть в тюрьме или в дисциплинарном батальоне.

С солдатами было куда проще. Им прощалось все или почти все. Прощали и убийства. Колесников тяжело вздохнул, в его памяти всплыл свежий случай. Один из молодых солдат во время несения караульной службы не вынес физического оскорбления «стариков» и в гневе расстрелял троих сослуживцев. После «промывки» мозгов оказался в психушке. Затем его списали. Преступников в военной форме списывали под различными соусами. Списывали с вехи очень больших начальников, которые на все это закрывали глаза. Закрывал глаза и он, майор Колесников Алексей Михайлович, отец двух детей. Сначала молчал — хотел сделать карьеру. Сейчас молчал — ждал пенсию...

У Рокотова, как он считал, случай же особый. Молодого политработника в психиатрическое отделение направили неспроста, даже очень неспроста. Уж больно что-то непотребное он сказал или натворил. Что он натворил, майор пока еще не знал. Однако в том, что вскоре к ним в психушку одна из больших звезд позвонит или даже приедет, он не сомневался...

После своего первого визита к лечащему врачу Рокотов некоторое время слонялся по еще незнакомому ему заведению. Отделение было небольшим. Основное время «психи» проводили в спальном помещении или в небольшом холле, где стоял телевизор и столик с уставами и подшивками газет. За столиком, как правило, никто не сидел. Сначала новенький подумал, что больные безграмотные люди или ленивые. Склонялся к последнему. В этом он убедился несколько позже. Никто из психов за целый день ни к газетам, ни к уставам не прикоснулся. Только единицы смотрели художественные фильмы или развлекательные программы. Подавляющее большинство лежало в постели — давило на «массу». Общесоюзную программу «Время» новенький смотрел в гордом одиночестве, сидя на «специальном» табурете. Не ушла из его поля зрения и печатная информация.

Спать Рокотов пошел очень поздно, засиделся за телевизором. Дежурное освещение, оно представляло собой небольшую лампочку синего цвета, ввернутую в пластмассовый цоколь черного цвета прямо над входом в помещение, позволило ему добраться до кровати. Он неспеша разделся и лег в постель. К его удивлению, сон не шел. Желания поразмышлять о первой встрече с лечащим врачом у него также не было. Он не сомневался, что Колесников, как и все люди в погонах, выполняли приказ сверху. И больше ничего.

Неожиданно офицера кто-то слегка толкнул в плечо. Он приподнял голову и увидел перед собою дежурного. Молодой человек, как и его предшественник, был высокого роста, только с небольшим животом, который едва заметно выпирал из-под халата. Он тихо представился:

— Дежурный по ночной смене старшина Наседкин... — Слегка передохнув, он вновь прошептал. — Товарищ капитан, извините, я закрутился и забыл... Колесников передал Вам таблетки. — Протянув лежащему небольшую бумажную упаковку, он с улыбкой добавил. — От этих таблеток лучше спится...

Едва дежурный улетучился, Рокотов встал с постели и направился в сторону туалетной комнаты. Он спокойно прошел по коридору. Выйти из коридора ему не удалось. Массивная ручка двери из металлических прутьев, через которую ему предстояло пройти, чтобы оказаться в туалетной комнате, почему-то не проворачивалась. Он сделал очередную попытку. Неожиданно позади себя он почувствовал отрывистое дыхание. Повернулся и увидел перед собою старшину, он только что приносил ему снотворное. Наседкин приложил руку к «пустой голове», так называлось в Советской Армии приветствие без головного убора, и с нескрываемым удивлением произнес:

— Товарищ капитан... Вы у нас новенький и еще не знаете, что без помощи дежурного никто из больных не может попасть ни в одно помещение...

Рокотов с недоумением посмотрел на верзилу. Затем слегка отпрянул и тихо прошептал:

— Старшина, я только вчера вечером пришел в это заведение, точнее, меня привели... Раньше этих запоров я не замечал...

Неожиданно для себя он затаил дыхание и уже с явным недовольством прошипел:

— Получается, что капитан Советской Армии должен идти в туалет в сопровождении солдата, вполне возможно и еще вооруженного...

Напористость офицера дежурный, что было полнейшей неожиданностью для Рокотова, воспринял очень спокойно. Он вел себя с ним почти на равных, а может, даже и сверх этого. «Синий халат» слегка приподнялся на носках армейских полуботинок и очень четко отрапортовал:

— Товарищ капитан, в этом заведении для нас все равны... Солдаты или прапорщики, и также офицеры...

Слегка смутившись, он продолжил:

— Мне, товарищ капитан, каких-либо особых указаний в отношении Вас начальник не давал... Я не хочу иметь каких-либо приключений...

Философствование низшего по званию и должности окончательно вывело Рокотова из себя. Он стиснул зубы и резко схватил дежурного за руку. Затем с гневом прорычал:

— Наседкин, хватит мутить воду... Что я должен сделать, чтобы попасть в это заведение, которое называется «М» и «Ж»...

Собственное изречение рассмешило офицера. Улыбнулся и Наседкин. Он несколько приободрился и не то всерьез, не то в шутку сказал:

— Товарищ капитан... В нашем заведении все делается под наблюдением дежурных. Они также все открывают и закрывают... Днем несут службу два человека, ночью — один. В случае каких-либо потасовок мы звоним дежурному по госпиталю...

Рокотов кисло улыбнулся. Спорить дальше или давать какие-либо замечания дежурному он посчитал бессмысленным занятием. В этом заведении он просто-напросто подконтрольный псих, хотя и капитан Советской Армии. Верзила вытащил из кармана ключ и очень ловко повернул им в замочной скважине. Пациент вошел в туалетную комнату и невольно обернулся назад. Наседкин стоял неподалеку и лупал глазами по сторонам. Сделав серьезное выражение лица, «псих» прикрыл за собою дверь, которая, к его удивлению, была без ручки. Затем он вошел в небольшую кабинку и очень быстро вытащил из бумажной упаковки несколько таблеток. Повернул голову назад. Вокруг не было ни души и бросил медикаменты в унитаз. И тут же с силой дернул рукой очень короткий обрубок толстой проволоки, свисавший со сливного бака. Поток воды со свистом почти мгновенно смыл неизвестные для больного лекарства...

Старшина встретил офицера с улыбкой, и помахав ему рукой, тихо прошептал:

— Спокойной ночи, товарищ капитан... Не переживайте, все будет нормально...

Рокотов в ответ ничего не произнес, лишь слегка кивнул головой. Затем посмотрел на часы, они показывали десять минут первого ночи. Наступил новый день...

1979 год. 21 февраля. Среда. И вторую ночь капитан Рокотов практически не спал. Все переживал. Первый день пребывания в «карцере для особо выдающихся», так он уже успел окрестить 13 отделение окружного военного госпиталя, не принес ему какого-либо оптимизма. Сомнений не было. После «психушки» ему уже никогда не сделать успешной военной карьеры. Хотя, казалось, что только вчера он еще имел надежду, и притом очень большую, на достойную себя карьеру...

Поздно вечером Рокотову позвонил дежурный по части. В восемь часов утра он должен прибыть в кабинет командира части для встречи с военным сотрудником из Москвы. Его попытка узнать большее, успехом не увенчалась. Старший лейтенант передал слово в слово все то, что ему сказал оперативный дежурный по штабу дивизии. Загадочный звонок долго не давал спать обитателю двухкомнатной квартиры. Жены дома не было, она два дня назад уехала к родителям. Он «перелопатил» в своей голове все возможные и невозможные варианты. И все склонялся к единому выводу. Собеседование связано либо с его очередным повышением по службе или с учебой в академии.

Проснулся Рокотов очень рано, будильник показывал шесть часов утра. Несмотря на это, он быстро встал, привел себя в порядок, плотно покушал. Затем сел за письменный столик, и взяв в руки Устав внутренней службы, повторил обязанности заместителя командира части. Солодова опять не было, он болел. Потом он направился в полк. Военный городок находился неподалеку от пятиэтажного дома, где проживали семьи офицеров. Едва капитан переступил порог КПП, как его тут же встретил дежурный, прапорщик Кульков. Лихо козырнув, он с некоторым волнением в голосе протараторил:

— Товарищ гвардии капитан.... Вас срочно ожидает какой-то мужчина в кабинете командира полка... Пукас там же...

Рокотов посмотрел на свои часы. До начала встречи было почти тридцать минут. Он улыбнулся и промолчал. Пожал руку прапорщику и ускоренным шагом направился в штаб части. Зашел в кабинет заместителя командира полка по политической части. Из металлического сейфа взял толстую общую тетрадь, в которую заносились не только данные о боевой подготовке и ход социалистического соревнования между подразделениями, но и анализ дисциплинарной практики. Быстро ее пролистал...

«Командирские» часы показывали без пяти минут восемь, когда Андрей Рокотов подошел к кабинету и постучал в дверь. Затем ее открыл, и приложив руку к головному убору, направил свой взор к столу, за которым обычно восседал командир части. На этот раз его здесь не было, он стоял возле двери, и увидев вошедшего, кивком головы показал ему в сторону солидного мужчины в драповом пальто. Он сидел в кресле Пукаса. Рокотов сделал два шага вперед, представился. Незнакомец встал и крепко пожал ему руку. Затем с улыбкой произнес:

— Андрей Петрович, не надо представлений и официальных обращений... Ничего не надо... Я знаю о Вас больше, чем Вы думаете...

Неожиданная осведомленность неизвестного мужчины на какой-то миг привела офицера в замешательство. Он слегка покраснел и тяжело вздохнул. Гость из Москвы его волнение заметил. Он улыбнулся, взял офицера под руку и усадил его на стул, напротив «командирского» стола. Рокотов присел и с недоумением стал смотреть на стоявших мужчин. Он все еще не понимал, с какой целью они пригласили его в кабинет. Развязка не заставила себя долго ждать. Для капитана она была очень неожиданной. Визитер из столицы мило улыбнулся, и повернув голову в сторону командира полка, очень вежливо сказал:

— Товарищ полковник... Я попрошу Вас на некоторое время оставить нас наедине... Слегка наклонившись к Рокотову, он в прежней манере продолжил:

— Нам с Андреем Петровичем предстоит кое-что обсудить...

Пукас слегка выпятил грудь вперед, приложил руку к своей папахе и отчеканил:

— Я Вас понял, товарищ полковник...

Только после этих слов капитан Рокотов в прямом смысле пришел в себя. Он снял с головы шапку и положил ее на колени. Общую тетрадь с информацией о состоянии боевой и политической подготовки полка положил на краешек стола. Затем с облегчением перевел дух. Перевел ненадолго. Неопределенность все больше и больше давала о себе знать. Он никогда не думал, что в такую дыру для собеседования с ним придет целый полковник. Подобных ему, капитанов в Советской Армии тысячи...

От внезапно нахлынувшего волнения молодой мужчина почувствовал на своей физиономии мельчайшие капельки пота, которые, как ему сейчас казалось, бежали по его лицу большими ручьями. Он невольно провел рукою по щекам, затем по своим губам. И на этот раз гражданский его волнение уловил. Он слегка привстал из-за стола и вновь протянул офицеру руку. Затем очень тихо представился:

— Полковник Митрофанов Николай Данилович... Представляю Главное разведывательное управление при Генеральном штабе Советской Армии...

Увидев некоторое недоумение на лице мужчины, который сидел словно истукан и все лупал глазами, он доверительно прошептал:

— Я, Андрей Петрович, сейчас все объясню по порядку...

Рокотов сидел и не двигался. Он немного встrepенулся, когда из уст старшего офицера услышал:

— Я по поручению Генерального штаба совершаю поездку и набираю достойных офицеров в Академию Советской Армии... Иногда ее называют военно-дипломатической академией. Однако для нашего дела это большой роли не играет...

Приглашенный приободрился. Он открыл рот и почти пересохшими губами прошептал:

— Товарищ полковник, я Вас понял...

Определенное оживление офицера вмиг преобразило Митрофанова. Он вышел из-за стола и почти на цыпочках подошел к входной двери, резко ее открыл и слегка прислушался. В коридоре стояла тишина. Затем он закрыл дверь и направился к окну, форточка которого была приоткрыта. Заметив улыбку на физиономии молодого человека, Митрофанов слегка покачал головой и почти нараспев произнес:

— В нашем деле, Андрей Петрович, любая предосторожность никогда не мешает... Правильно я говорю, капитан?

Рокотов расцвел в подобострастной улыбке. Он слегка приподнялся со стула и очень спокойно ответил:

— Так точно, товарищ полковник...

Дальнейшее поведение чиновника с большими звездами с каждой секундой подкупало капитана Рокотова. Он очень внимательно наблюдал за тем, кто, как ему казалось, мог определить или уже определил его дипломатическую карьеру.

Митрофанов присел за стол, расстегнул ворот драпового пальто. Рокотов невольно подался вперед, присмотрелся. Сомнений уже не было. Перед ним сидела важная персона, притом из очень серьезного заведения. Свидетельством этому была одежда. На мужчине была дорогая рубашка белого цвета и также дорогой галустк в крапинку. За пять лет пребывания в Германской Демократической Республике Андрей научился различать дешевое и дорогое, качественное и ширпотреб, особенно в одежде. Здесь он редко ошибался. Проблемы были у него совсем в другой сфере. Он до сих пор плохо разбирался в золоте, в других драгоценных металлах. В отличие от жены, она бредила днем и ночью дорогими безделушками, он был профаном в украшениях.

Его размышления тут же прервал Митрофанов. Он слегка поправил очки на своем носу, словно проверял их наличие, затем почти-по дружески произнес:

— Андрей Петрович, не подумай, что я на одну из самых южных точек нашей необъятной страны приехал просто так, наскоком... Нет, еще раз нет... Твое личное дело я основательно изучил в Москве, потом кое-что узнал о тебе и на месте...

Он слегка провел рукой по своей груди, и громко рассмеявшись, подытожил:

— Ты все имеешь для нашей работы. Ты молодой и бравый офицер... Ты красивый парень, да и косая сажень в плечах...

Рокотов слегка улыбнулся, но ничего не сказал. Он продолжал молчать. Его сейчас интересовало не то, что было написано в его личном деле. Интересовало его, в первую очередь, то, что о нем в столице еще не знали. Только поэтому он молчал, в какой-то мере даже равнодушничал. Митрофанов пристально посмотрел в глаза симпатичному молодому человеку и очень серьезно продолжил:

— И еще я скажу тебе, Андрей Петрович, такие преданные люди, как ты, нам и нашей стране нужны для выполнения очень важных правительственных задач... Очень нужны, Андрей Петрович...

Рокотов не выдержал. Несколько вытянув шею, он еле слышно прошептал:

— Товарищ полковник, честно говоря, я еще не представляю, что ждет меня в этой академии... — Он неожиданно поперхнулся, сильно волновался. Быстро прокашлялся и опять зашевелил губами. — Извините, например, я окончил академию... Где я буду потом — в войсках или в другом месте?

Неосведомленность капитана, в некоторой степени даже его наивность, какого-либо раздражения у полковника не вызвала. Он невольно улыбнулся. Он и сам ровно двадцать лет назад был таким же, как этот молодой человек. Он также не знал, что делали в этой академии. Шло время. Митрофанов все больше и больше набирал опыта, не только жизненного, но и как советский разведчик. Свое первое боевое крещение он получил в Чехословакии, куда были введены войска Варшавского договора. Лично сам майор Митрофанов в танке не сидел и солдатами не командовал. Он был в гражданской форме одежды и очень редко видел вооруженных участников братства по оружию. Его интересовал, как сейчас говорили, менталитет живущих в этой стране. В том, что попытка вооруженного переворота не удалась, была заслуга лично его и его сотоварищей, которые денно и нощно информировали центр о политико-моральном состоянии населения. И не только об этом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.